

УДК 791.622:94(470)"1941/1945"

«НА ВЕЧЕРНЕМ СЕАНСЕ В НЕБОЛЬШОМ ГОРОДКЕ...»: КИНО В КОНТЕКСТЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ ПО ВОСПОМИНАНИЯМ И ПИСЬМАМ УРАЛЬЦЕВ¹

Д. Н. Ряпусова

Институт истории и археологии УрО РАН, 620990, г. Екатеринбург, ул. С.Ковалевской, 16
DNRyapusova@mail.ru

Изучены воспоминания и письма, содержащие сведения о месте и роли кино в экстраординарных условиях Великой Отечественной войны. Исследованы источники личного происхождения, авторами которых являются простые обыватели, принадлежавшие к разным категориям воюющего социума и так или иначе связанные с Уралом военных лет. Выявлены наиболее существенные в обыденности «маленького» человека возможности и функции «важнейшего из искусств». Установлено, что в повседневности людей, обожженных войной, на первый план выдвигалась ценность кино как средства терапии и коммуникации. Сделан вывод о значимости кинопосещений в структуре военной действительности, определены основные факторы, влиявшие на частоту и регулярность кинопросмотров в среде уральцев.

Ключевые слова: история повседневности, война, источники личного происхождения, воспоминания, письма, кино.

Песня знаменитого творческого дуэта Вениамина Баснера – Михаила Матусовского «Сказки Венского леса» из фильма 1965 г. «Друзья и годы» навеяна чувствами и воспоминаниями, связанными с просмотром кино в военное время. В картине есть эпизод, в котором в победном мае 1945 г. ее исполняет, насвистывая, О. Ануфриев. Мало того, она звучит рефреном на протяжении двух серий. Незамысловатый рассказ о посещении кинозала выбран одной из главных музыкальных тем фильма. Популярность же песни, намного превзошедшая популярность самого фильма у поколений, прошедших войну и помнящих ее, показывает, что киносеанс был для них знаковым событием, по которому они долгое время испытывали ностальгию («что же вальс этот старый всюду ищет меня»). Для них было важно очутиться в той атмосфере («будто вновь мы с тобою в полутемном кино»), поскольку она пробуждала память о днях, которым «не встать из огня», причем не столько о сражениях, сколько «о времени и о себе».

Вопрос о месте и роли кино в жизни людей, находящихся в экстремальных условиях войны, является составной частью проблемы изучения субъективного мира очевидцев и участников событий того времени, имевших разный социальный статус, профессиональную принадлежность, материально-бытовой уровень и т. д. Он вызревает на стыке востребованных ныне научных направлений и «работает» на постижение «человеческого измерения» войны, ее «индивидуального образа» – в русле преодоления «безликости» событийной истории, когда в фокусе внимания авторов оказываются различные сюжеты частной жизни людей [Из первых уст, 2010; Кричко, Хлынина, 2014; Потемкина, 2015; Семенова, 2015; Мамяченков, 2015]. Вместе с тем постановка и решение этого вопроса проецируются на многослойное поле военной повседневности, разные грани и модусы которой вызывают неизменный интерес современных исследователей. Феномен «человека воюющего» раскрывается ими через реконструкцию «женской», «детской», «молодежной», «трудовой», «досуговой», «фронтной», «тыловой» и прочих вариаций повседневности [Поршинева, Долинова, 2003; Реброва, 2008; Назаров, 2010; Гонцова, 2011; Палецких, 2015; Мищенко, 2015].

В настоящей статье реализуется идея преодоления упрощенного понимания «единства» советского социума в условиях Великой Отечественной войны, воспринимаемого исключительно как некий целостный организм, одухотворенный патриотическими чувствами любви к Родине и ненависти к врагу [Изьмова, 2010, с. 108]. Соответственно и кино трактуется не просто как фактор мобилизации масс, орудие формирования общественного мировоззрения, одно из мощных духовных средств, с помощью которого ковалась Победа, а в его сопричастности жизни конкретного человека, индивидуального опыта выживания и борьбы в той страшной войне.

Пожалуй, следует согласиться с рассуждениями визуального антрополога Г. Грея о значимо-

сти и уникальности кино в области интерпретации различных аспектов человеческого бытия. Он справедливо утверждает, что «художественные фильмы могут служить путеводной нитью в вопросах культурного конструирования повседневности, символической и метафорической коммуникации, конфигурации политических и экономических сил. Они также способны давать нам представление о свойственных тому или иному времени и месту типичных реакциях на проблемы и события» [Грей, 2014, с. 7]. Не менее ценной для дальнейших рассуждений является мысль Грея о том, что именно пристальное внимание к повседневной жизни и контексту (т. е. ко всему, «что делает возможным» просмотр фильма, а также анализ его аудитории и рецепции) расширяет «наши способы понимания кинематографа». Исследователь приходит к выводу, что кино является не отражением общества, а «частью сети взаимоотношений, и их нужно понимать друг через друга: кино в той же степени интегрировано в общество, в какой культурные ценности и социальные знания интегрированы в кино» [Грей, 2014, с. 9, 12, 13, 171].

Согласившись с данной формулировкой, попробуем приглядеться к функциям кино как социального института, их иерархии и эволюции в условиях войны. И сделаем это, заняв позицию «маленького» человека, взглянув на ситуацию его глазами, допуская возможность расхождения частных мнений на сей счет с суждениями, опосредованными целями большой политики, серьезностью государственных задач. С связи с этим следует указать на ценность научных изысканий Н. Хренова, который, исследуя особенности взаимодействия кино и общества во временной перспективе, явные и скрытые функции кинематографа, удачно совместил социологический и исторический подходы [Социология..., 2012, с. 15–16, 408–419].

Сведения о кино, позволяющие выявить специфику его восприятия представителями разных категорий населения, отражены «простыми», или, как принято говорить, «маленькими», людьми в воспоминаниях и письмах. Как и песня Баснера – Матусовского, их мемуарные свидетельства представляют собой скорее поток сознания, в котором присутствует указание на лично значимые события, ценности, атрибуты действительности. Эти авторы не были ограничены задачей осмысления и фиксации какого-то конкретного аспекта военной действительности. Перед ними не стояла цель отразить факт присутствия кино в собственной жизни. То же самое можно сказать и о письмах, хотя следует помнить, что они подвергались обязательной военной цензуре, о чем, очевидно, было известно авторам [Сенявская, 1999, с. 21; Смиловицкий, 2014, с. 246].

При работе с указанными источниками необходимо помнить, что воспоминания и письма несут на себе неповторимый отпечаток личности их автора. Их содержательная наполненность во многом зависит от возрастной, гендерной, социальной принадлежности автора. Так, если мужским воспоминаниям нередко присущи аскетичность изложения, сдержанная передача психологического фона происходящего, то женские обладают большей эмоциональностью, цветистостью, особым вниманием к деталям и частностям [Пушкарева, 2001].

В этом отношении отмечается сходство последних со свидетельствами «детей войны». Детская память фиксирует множество житейских подробностей. Но события в ней не имеют целостности и логической последовательности, они не разворачиваются в завершённую панораму, не имеют прямой привязки к глобальным проблемам и судьбам страны. Выхваченные из времени фрагменты и эпизоды лично значимы, эмоционально окрашены. Более зримо ребенок помнит не само событие, а наполнявшие его и связанные с ним частности – запах, вкус, цвет и т. п. Интерпретированные мемуаристами картины военного детства обнаруживают явный след более поздних «привнесений и упущений» в форме суждений и мыслей людей, умудренных жизненным опытом, знакомых с последствиями рассказанных событий прошлого, избирательности человеческой памяти и т. д. [Потемкина, 2015, с. 583, 586; Синова, 2015, с. 250, 254].

Присущий воспоминаниям как виду эго-документов эффект мемуарной ретроспекции (когда под воздействием прожитых лет меняется авторский взгляд) исключается при обращении к письмам, поскольку их создатели в момент рефлексии и фиксации происходящего были лишены знания о будущем [Приказчикова, 2015, с. 399].

На полноту и аутентичность источниковой базы нашего исследования, безусловно, повлияли обстоятельства и время обнаружения составивших ее материалов. Так, воспоминания и письма в советские годы публиковались очень избирательно. При этом допускались существенные текстовые изъяты и правки. Устранялось все, что не соответствовало «канону». С учетом отмеченных особенностей потенциал непосредственности и честности неопубликованных свидетельств воен-

ных лет, особенно хранящихся в семейных архивах и не предполагавших публичного адресата, представляется на порядок выше.

В настоящей статье мы ограничимся комплексом документов личного происхождения, опубликованных в разные годы. Они содержат ряд образных свидетельств, зарисовок из частной жизни конкретных людей, повествующих о кино, и иные сюжеты, дополненные эмоционально нейтральными беглыми упоминаниями о «важнейшем из искусств». Критерием для их отбора послужила некая общность судеб повествователей, так или иначе связанных с Уралом военных лет.

Война поделила жизнь советских людей на «до» и «после». В контексте испытаний военного времени период до 1941 г. воспринимался гражданами как относительно благополучный. Переход от мира к войне ощущался ими особенно сильно, и одним из ярких событий последних мирных дней, которое навсегда отпечаталось в сознании авторов воспоминаний, стало посещение кинотеатра. Как свидетельствует Ольга Александровна Курочкина, «слово “война” застало нас в саду им. Горького. Мы, только что закончившие 6 классов Молотовской средней школы № 2, гурьбой вышли из летнего кинотеатра и вдруг услышали голос диктора... Это было 22 июня 1941 г. Что-то тревожное охватило нас. Мы перестали быть детьми...»².

Осознание масштаба события, нарушившего устоявшийся быт, вероятно, пришло мемуаристке с годами. Но первая, во многом интуитивная реакция сразу запечатлелась в памяти людей и укрепилась в ней на фоне последовавших лишений и трудностей. Полина Ильинична Семукова вспоминает: «В июле 1941 г. мне исполнилось 15 лет. 22 июня я помню во всех его деталях. День был прекрасный. Тепло. Солнечно. Птички поют. Настроение отменное. Мы с подружками пошли в кино на дневной сеанс. Показывали “Времена года” с участием Чарли Чаплина. Все хохотали до слез. И вдруг... Фильм прервался. Включили свет. Вышел директор клуба и сказал, что Гитлер вероломно напал на Советский Союз без всякого объявления войны. Все были потрясены. Никто уже не хотел больше смотреть на проделки Чарли Чаплина. <...> Начались трудные, голодные, но полные горячей верой в нашу победу времена...»³.

Судя по воспоминаниям, приостановленных и несостоявшихся в роковой воскресный день киносеансов было немало. Здесь же, в кинозалах, оторопь от сообщения шокирующей новости сменялась призывами, выступлениями и угрозами в адрес Гитлера⁴. Кинотеатры на весь период войны превратились в информационно-агитационные пункты, параллельно выполняя важную роль культурно-досуговых центров. По свидетельству учащегося Шадринского машиностроительного техникума Виктора Павловича Пузырева, со временем «в кинотеатрах и драмтеатре вошло в практику останавливать представление, чтобы сообщить важные новости. На сцену выходил представитель администрации и объявлял: “Наши войска с боем овладели городом таким!” Следовали бурные аплодисменты зрителей, и фильм или спектакль продолжались»⁵.

Несмотря на то что с перестройкой жизни на военный лад менялись обстоятельства существования людей, происходила трансформация их потребностей и ценностей, функционированию кинематографа придавали особое значение и руководители производства. Так, первый директор завода Уралхиммаш Валерьян Петрович Курганов вспоминает о двух важных событиях в жизни завода и поселка Нижнеисетск, которые произошли в 1943 г. Рассказывая о фактах тотального недоедания, опухания людей, попытках борьбы с дистрофией и авитаминозами, он отмечает, что «в начале года заработал временный клуб, оборудованный нами в пустовавшем и полуразрушенном здании бывшей церкви. Там регулярно демонстрировались кинофильмы, работали кружки самодеятельности, устраивались концерты с участием артистов свердловских театров. Другим важным событием стало установление постоянной транспортной связи Нижнеисетска со Свердловском»⁶. Таким образом, для В.П. Курганова открытие временного клуба и пуск первой на Урале троллейбусной линии – соизмеримые по значимости события.

Вопреки признанию важной роли кино, в стране имелись слои населения, практически полностью отлученные от просмотра фильмов. Жительница деревни Агименка Туринского района Свердловской области Гея Петровна Серова вспоминает, как встретила войну одиннадцатилетней девочкой, трудилась в летний период весь световой день без выходных на прополке ржи и пшеницы за «палочки-трудодни» в журнале, которые лишь в конце года превращались в крошечный, но столь желанный мучной паек. «Все лето дети бегали босиком. Клуба в деревне не было. За всю войну мы не видели ни одного фильма»⁷. Согласно другим свидетельствам посещение кино для сельчан также являлось событием достаточно редким и знаковым⁸. Просмотры фильмов в военные

годы занимали незначительное место в их жизни, что, однако, говорит не о безразличии колхозников к этому виду отдыха и времяпрепровождения, а, скорее, о его малодоступности – сказывался низкий уровень развития сети культурно-просветительных учреждений в сельской местности в предвоенный и военный периоды. Возможности тружеников сельхозпроизводства приобщиться к «важнейшему из искусств» расширялись в периоды посевных и уборочных кампаний, когда проводились колхозные кинофестивали. Однако случались подобные мероприятия нечасто и проходили, как правило, с большой идеологической помпой.

В городе сеть кинотеатров была развита лучше, но взрослое население крайне редко могло изыскать для себя возможность их посетить и «культурно» отдохнуть. В частности, эвакуированная из Ленинграда в Каменск-Уральский двенадцатилетней школьницей Людмила Ивановна Житенева свидетельствует: «Я не помню ни одного случая, чтобы моя мама посетила клуб, посмотрела фильм или сходила к кому-нибудь в гости. А ведь ей было 33 года. Помню, как ее и других женщин вечно преследовал страх проспять, опоздать на работу хоть на 5 минут. А ведь идти надо было 3 км, пешком, через пустырь, в мороз и вьюгу, в снег и дождь. Все знали, что за опоздание грозила тюрьма. Поэтому многим нашим мамам было не до развлечений, была только работа, страшная усталость и тревога. И еще надежда...»⁹.

Совершенно иное отношение к кино обнаруживается в детских воспоминаниях. Будучи лишены столь естественного для юного возраста ощущения беззаботности, присутствия волшебства и сказки в реальной жизни, дети войны искали всего этого в залах кинотеатров. Жительница Шадринска Виктория Николаевна Иовлева, которая встретила войну шестилетней девочкой, передает яркие впечатления детских лет: «Это точно, кино было для нас “важнейшим из всех искусств”. <...> В своем детстве мы знали только “Октябрь”, где стремились сидеть всегда впереди, высоко задирая голову на экран, или же на балконе. Фильм шел целую неделю один. Непременно с журналом: “Новости дня”, “Советский Урал”¹⁰. Помню немой фильм “Красные дьяволята” – ничего не поняла. Помню военные киносборники. Посмотрев “Новые похождения бравого солдата Швейка”, все потом распевали “*Сосиски с капустой я очень люблю!*”... Детские фильмы “Золушка” и “Золотой ключик”, “Волшебное зерно”, из которых запомнила только момент, когда *бедняки пили чай с сахаром “вприглядку”*.

Туда, в “Октябрь”, мы бегали летом каждую неделю, конечно же, босиком, не очень отмывшись от уличной грязи. Из кинофильмов, в основном, узнавали и новые песни, мотивы Чарли Чаплина (“*На палубе матросы курили папиросы, а бедный Чарли Чаплин окурки подбирает*”). Из к/ф “Серенада солнечной долины” пели: “*Отчего так в мае картошки не хватает, знаю я и знаетешь ты!*”»¹¹.

Должно быть, стойкое ощущение голода способствовало столь избирательной и прочной фиксации в памяти девочки «гастрономических» мотивов и сюжетов. Житейская неустроенность персонажей делала их более близкими и по-своему понятными маленькому человеку, который делил со взрослыми тяготы войны – недоедал, недосыпал, мерз. Детские воспоминания о голодных буднях и посещениях кино очень часто соседствуют друг с другом. И это отнюдь не случайно, ведь фильмы помогали на время отвлечься и заглушить даже самые сильные негативные эмоции и ощущения. Юные зрители стремились не пропускать ни одного фильма, а запрет на поход в кино становился для них суровым наказанием, которое применялось родителями в профилактических и воспитательных целях¹².

Кинопросмотры (наряду с посещением театра и танцплощадок) являлись едва ли не самым любимым видом отдыха городской молодежи Урала. При этом двенадцатичасовой (и более длительный) рабочий день, отсутствие выходных и отпусков, нередко совмещение учебы с работой, а также значительные физические нагрузки, нерегулярное и скудное питание, минимальный уровень жизнеобеспечения, доходящий до полного отсутствия бытовых благ, оставляли юношам и девушкам мало времени и возможностей для походов в кино. Некоторые считали их слишком большой роскошью и сознательно отказывались от посещений кинозалов. «...Как у нас получка, шли на “хитрый рынок”, покупали по булке хлеба и полбулки сразу съедали. Еще одна тетка продавала на рынке сладкий чай и кричала: “Чаю кому, на рубль досыта!”. Мы чаю по стакану выпьем – и у нас это была великая радость. А о кино и думать нечего, выспаться бы, отдохнуть», – свидетельствует Анна Дмитриевна Суханова, работавшая в войну в цехе по производству снарядов на Невьянском военном заводе¹³. Иные с самоиронией вспоминали, как «после ночной смены пытались сходить в

кино, шутили – выпались за 3 рубля»¹⁴.

Однако присущие людям молодого возраста жизненный оптимизм, активность, их интересы проявлялись даже в чрезвычайных условиях войны. Восприятие молодежью военных будней не было окрашено в исключительно серые тона. «И в годы войны молодость брала свое. Ходили на свидания, чаще всего гуляли в городском саду или встречались на мосту. Там кипела жизнь. Все гуляли, встречали своих друзей, знакомых. Ходили и в кино, иногда билет был на двоих...», – утверждает воспитательница Шадринского дома ребенка Галина Дмитриевна Шадрина¹⁵. В.П. Пузырев также свидетельствует: «Не надо думать, что наша жизнь состояла только из черных красок. Несмотря на трудности, мы находили время, чтобы сходить в кино. Помню, тогда в кинотеатре “Октябрь” шли фильмы “Пархоменко” и “Морской батальон”, а в казарме военного училища нам удалось посмотреть американскую комедию “Три мушкетера”. Песни из этих кинофильмов, несмотря на войну и заботы, мы распевали на досуге. Такова уж природа молодости. А ведь мы еще были только подростками, которых даже не пускали на вечерние сеансы. <...> Запомнился коллективный просмотр комедии “Тетка Чарлея”, когда весь зал покатывался от смеха. Сидевший рядом со мной армейский капитан истошно взвизгивал, то и дело наклоняясь к своей жене»¹⁶.

Для получения «пищи духовной» молодые люди были готовы идти на определенные жертвы. «Поголодаешь немного, зато, продав часть своего хлебного пайка, можешь купить билет либо в кино, либо в театр, можешь посмотреть прибывших артистов цирка, пойти в горсад...», – вспоминает студентка Шадринского учительского института Евгения Ефимовна Бризели¹⁷. Ей вторит М.Ф. Старцева, работавшая в годы войны телеграфисткой в Свердловске: «мы были голодны, но тяга к искусству побеждала голод». Восстанавливая потраченные за смену силы пайковыми 500 граммами хлеба и тарелкой похлебки «из кислой капусты с древесными щепками вперемешку <...> ходили коллективно в кино, ... в свободные от работы вечера обязательно шли в театр. Если не хватало денег на билет (он стоил 10 рублей на галерку в Оперном), мы друг другу продавали кусок хлеба – 200 граммов за 10 рублей и на эти деньги шли всей сменой в театр»¹⁸.

В госпиталях кино стало своеобразной терапией и психологической помощью, превратилось в один из главных видов работы с ранеными и выздоравливающими бойцами. Важнейшими условиями их восстановления являлись вытеснение из сознания негативного военного опыта, переживаний и концентрация на положительных эмоциях. Киномеханик Сухоложского госпиталя № 2549 Алексей Григорьевич Махнев свидетельствует, что по заведенной практике сеансы проводились в коридоре больницы, куда собирались все ходячие раненые. Однако было немало больных, которым вставать запрещалось. «И приходилось для двоих-троих крутить ленту. В следующей палате все повторялось... Но ничего не поделаешь: кино помогало бойцам переносить боли, забывать собственные несчастья и заставляло увлечься судьбой героев фильма. Обсуждений, разговоров о просмотренных фильмах хватало надолго, пока я не получал новую ленту. Киномеханик стал важной персоной, к нему относились не только уважительно, но и прислушивались как к лечащему врачу. А доктора, осматривая раненых при обходе, прямо так и говорили: “Еще два-три киносеанса и поправишься”»¹⁹.

Алевтина Максимовна Сереброва, в 1942–1943 гг. работавшая пропагандистом в Шадринском эвакогоспитале № 3108, рассказала, какую роль сыграло кино в судьбе молодого бойца родом из Гомеля. Он лишился ноги и оказался на больничной койке в трагический период своей жизни: фашисты сурово расправились с его семьей – невесту угнали в Германию, отца повесили, а вскоре от горя скончалась мать. Молодой человек потерял смысл существования. Сереброва поручила одной из медсестер поухаживать за парнем, а сама организовала кинопередвижку для госпиталя. Именно с совместного кинопросмотра началось общение и близкое знакомство двух молодых людей, и к солдату вернулась вера в жизнь²⁰.

Просмотры фильмов на передовой были событием довольно редким и знаковым. Однако именно с ними оказались связаны одни из самых сильных переживаний военных лет, которые даже спустя десятилетия выносятся из глубин памяти фронтовиков. Кино воспринималось ими как символ комфорта и благополучия, рождало мысли о доме, будило в человеке самые естественные желания, в том числе воспоминания о мелких житейских радостях. Так, жительница Молотова Тамара Ивановна Новикова делилась в письме с другом-земляком: «...Очень скучаю о тувельках (я ведь сейчас в сапогах), о танцах под джаз, о театрах, о кино. Мне кажется, попади я сейчас в город, так не выйду из этих театров и кино, буду по несколько раз смотреть одну и ту же картину или оперу.

Отчасти, признаться, завидую вам. А что я сейчас вижу, кроме бомбежек и стрельбы? Ничего! Вот сидишь и думаешь: когда все это кончится? И лезут в голову разные мысли: что будет со мной, буду ли я жить вообще на этом свете? Ведь смерть так неожиданно здесь приходит. Ее и не ждешь, а она тут как тут. Некоторых подруг и товарищей у меня уже нет...»²¹.

«У войны не женское лицо» – это утверждение, многократно оспариваемое фактами беспримерного мужества и героизма советских женщин, все-таки является истинным по своей сути. Заставляя их взяться за оружие, война грубо попирала саму идею предназначения женщины как продолжательницы жизни на земле. Порой слишком тяжелыми для женской психики оказывались выпавшие испытания. Конечно, любая редкая возможность отвлечься от военных ужасов и потрясенный, отдохнуть физически и душевно принималась за благодать едва ли ни каждым на передовой. Однако именно в женских воспоминаниях о фронтовых кинопоказах присутствует особая эмоциональная наполненность.

Поистине счастливым стал в 1944 г. день приезда кинопередвижки в расположение части Второго Украинского фронта для молодой радистки из Кургана. Со слов Эти Юльевны Воробьевой-Коган, «для девушек это было великой радостью. Демонстрировался фильм “Леди Гамильтон”. Содержание фильма, особенно музыка, туалеты женщин завораживали. Нам, в солдатских гимнастерках, тяжелых, не по размеру, ботинках, в земляной яме (фильм демонстрировался в воронке от разбитого бомбой железнодорожного депо) казалось все это волшебной сказкой, которую пришлось раз пять прерывать из-за налета вражеской авиации. После просмотра бежали под градом осколков нашей зенитной артиллерии, отражающей налет немецких самолетов, направляющихся бомбить Киев. Но впечатление от этого фильма не изгладилось по сей день»²².

В какой-то мере фильмы соединяли фронт и тыл, близких и родных людей, разорванных войной. Молодой советский офицер Владимир Дмитриевич Тарасов, вернувшись с боевой операции, писал в Челябинск своему «любимому папе», «папочке»: «...Вот сегодня уже третий день, как я отдыхаю. Живу ничего. Построил хорошую землянку, одно плохо, что стою на поле и негде поселиться». Однако обстоятельства позволили этому двадцатиднолетнему капитану утолить «культурный голод». «Сегодня, – продолжал он рассказывать в письме, – нам повезло. Привезли картину «Воздушный извозчик» и я с большим удовольствием ее посмотрел. Соскучился я по всему: и по музыке, и по книгам, и по танцам. Хочется размять кости, набраться культуры и все некогда. Полтора месяца в боях без единого дня передышки – это что-нибудь да значит. Ну, ничего, скоро кончим войну – отдохнем за прошлое»²³. В его переписке с родными жажда полноты жизни сочеталась с осознанием ее быстротечности в условиях передовой. Допущение близости конца не только боевого, но и земного пути, острое восприятие грани между жизнью и смертью емко выражены во фразе из фронтового дневника В.Д. Тарасова: «Останусь жить – будет хорошо, а нет – значит, такая судьба»²⁴.

Обращаясь к адресату через использование образов известных киногероев, человек мог более полно и колоритно передавать ему свои мысли, чувства и переживания. Учитель Добрянской средней школы Георгий Михайлович Королев, ушедший на фронт добровольцем в составе Уральского добровольческого танкового корпуса, в письмах к жене и детям не раз рассказывал о демонстрации фильмов в освобожденных районах страны, интересовался кинопредпочтениями своих дочерей и сыновей. Благодаря упоминанию ярких кинообразов ему удавалось вести живой диалог с родными. Приведем лишь один фрагмент: «Дорогой мой сынушко Леня! <...> В твои годы я и мамочка учились хорошо... Мамочка, тогда Лиза Пьянкова, была среди всех учениц нашего класса самой умной, самой отзывчивой на горе и радость. <...> В картине “Зоя” ты найдешь у героини много черт Лизы Пьянковой. Учись Лиза Пьянкова в 41-м году, она, как и Зоя, ушла бы на фронт. <...> Когда будете смотреть картину “Она сражалась за Родину”, так в первой части увидите, как Паша любила своего мужа и сынишку»²⁵. Так же и Лизоченька любила и любит нас с тобой. Мы так же были веселы и счастливы»²⁶.

Образ мужественной Паши, случившаяся с ней трагедия погрузили автора письма в прошлое, пробудили его чувства, позволили провести параллели между историей своей семьи и судьбой героини. На эту тему он проникновенно беседует с сыном: «С тобой на руках мамочка встречала меня с работы, и мы втроем кувыркались и на сене, и в саду. И все кругом радовались и улыбались нам. Работа спорилась в наших руках. Потом появились у нас и Борисонька, и Леночка, и Галочка, славные твои сестренки и братишка. Но 22 июня 1941 года проклятые фашистские орды нарушили

нашу радостную, чудесную жизнь, и в трудную минуту для Родины твоя мамочка собрала меня в поход, на ратный подвиг – этому ты уж сам понятливый свидетель. И теперь на фронт идут Лизочкины письма, радостные и бодрые. Я всегда чувствую рядом с собой свою подругу, твою мамочку, она всегда помогала мне колотить проклятого врага...»²⁷.

Дети в общении со взрослыми также прибегали к образам киногероев. В частности, капитан тимуровской команды Пласта Челябинской области М. Луканина писала на фронт отцу: «Здравствуй, папочка! У нас в городе большие новости. Помнишь, мы с тобой смотрели картину про Тимура? Он организовал такую команду из ребят, которая помогала семьям красноармейцев, заботилась о них. Помнишь, тебе понравилась эта картина, и ты говорил, что хорошо, если бы такие команды в самом деле появились. Так вот у нас теперь появилась такая же команда. А кто организовал ее – это тебе ни в жизнь не угадать. Знаешь бабушку Рычкову? Все ее любят и зовут “бабой Шурой”. Я тоже записалась. Мама говорит: “Бездельничать хоть не будешь”. А ты что скажешь?...»²⁸. В словах дочери чувствуется стремление заручиться поддержкой отца-фронтовика, оправдать его ожидания и тем самым стать хоть как-то сопричастной его жизни. Поступки Тимура, одобренные в прошлом отцом, она стремилась сделать образцом для себя.

Маленькие дети, нередко считавшие происходящее на экране продолжением реальности, могли даже признать в киногерое родного человека. Когда жительнице села Коптелово Галине Ивановне Кузнецовой было всего два года, ее отец ушел на фронт, а в скором времени в их дом принесли похоронку. Мама Гали не хотела верить в гибель мужа и часто мечтала с дочерью: «Вот вернется папа домой...» Вера в возвращение отца прочно укоренилась в сознании девочки. Она внимательно всматривалась в каждого мужчину, который при ней произносил слово «доченька». И однажды, во время просмотра кинофильма «Два бойца» в вагончике-клубе, раздался крик: «Галька, смотри, это твой отец, он не убит, он живой!» Так маленькая Галя впервые увидела своего папу и после этого еще очень долго считала, что киноактер Марк Бернес, сыгравший Аркадия Дзюбина, это именно он и есть²⁹.

Киносюжеты способствовали сближению и взрослых людей, еще недавно не знавших друг друга. В военную пору завязалась переписка между служившим на Ленинградском фронте капитаном Владимиром Георгиевичем Соболевым и руководителем отдела Молотовского бактериологического института Верой Николаевной Мирсковой. Случайное знакомство переросло в трогательную дружбу, трагически оборвавшуюся в 1944 г. гибелью Владимира. В одном из писем он, между прочим, сообщал Вере: «На днях видел картину “Котовский”, а ведь я Григория Ивановича хорошо знаю по гражданской войне...». В другом – с помощью строчки из песни пытался передать собеседнице свое состояние и отношение к происходящему на передовой: «...На днях смотрели кинокартину “Два бойца”. Как хорошо там поет боец мою любимую песню: “Смерть не страшна, с ней не раз мы встречались в бою...”»³⁰.

Федор Семенович Ефимов, прошедший боевой путь от Подмосковья до Праги, писал в Талицу своей «милрой Нюсе» и сыновьям: «Посмотрел фильм “Жди меня”... Что-то схожее с собой увидел в судьбе героя. Меня также откапывали из могилы, дважды ранили, но я остался в живых, буду жить, вернусь, и залогом этому является уверенность, что меня честно ждут, подобно героине фильма. <...> Прекрасный фильм!...»³¹. Передавая персональный опыт переживаний, связанных с просмотром кинокартины, он невольно выражал и ожидаемую реакцию зрителя, которую хотели видеть создатели этой драматической и вместе с тем жизнеутверждающей киноленты. Воспоминания о фильме и связанные с ним мысли созрели у Ф.Е. Семенова вплоть до последних дней войны. Находясь в поверженной Германии, он вновь воскрешает в памяти пережитое: «Помнишь, Анюта, я писал тебе: “Жди меня, и я обязательно вернусь...” И вот сколько боев позади, сколько дорог пройдено, сколько пережито. И я сейчас в спокойной мирной обстановке, вполне окрепший после ранения, пишу вам письмо...»³².

Повышенный интерес к фильмам свидетельствует о том, что в военное лихолетье чрезвычайно востребованными оказались эскапистские возможности кино, его функции, обеспечивающие зрителю уход от реальности в мир иллюзий и фантазий. Экстраординарные условия войны, крайняя регламентация свободного времени увеличивали потребность человека в отдыхе и развлечении, меняли традиционную иерархию ролей кинематографа, которые он призван играть в жизни людей, выдвигая в число первых «функцию преодоления эмоционального дефицита» (в терминологии Н. Хренова). Несмотря на то что репертуар кинотеатров в значительной мере состоял из фильмов обо-

ронно-патриотического содержания, одним из излюбленных способов проведения досуга уральцев был просмотр кинокомедий. Согласно воспоминаниям, большим зрительским спросом пользовались сатирические картины зарубежного производства. Помимо названных комедий упоминаются фильмы «В джазе только девушки», «Первый бал», «Сестра его дворецкого», «Сто мужчин и одна девушка» и др.³³ Зрители также испытывали особую симпатию и неизменный интерес к довоенным кинопроизведениям социально-бытового жанра, и опять же – к сатирическим сюжетам. Люди отдавали им предпочтение, поскольку это были ниточки, связывающие их с мирной жизнью.

Способом снятия социального напряжения становились и песни из кинофильмов. Вспоминая о жизни в шадринской эвакуации, Марина Николаевна Соколова (сестра поэта В.Н. Соколова и племянница репрессированного писателя-сатирика М.Я. Козырева) свидетельствовала: «Помню, мы смотрели фильм “Два бойца”. Он произвел на нас очень сильное впечатление. Особенно песни в исполнении Бернеса. Песня “Темная ночь” стала любимой песней нашей мамы. <...> Наш отец был на фронте...»³⁴.

То, что выносилось из кинозалов в виде музыкальных фраз и напевов (впоследствии составил костяк так называемых «песен военных лет»), становилось неким объединяющим началом для жителей тыла, а вместе с тем и еще одним связующим звеном с фронтом. Августа Ивановна Бухвалова, работавшая в годы войны на Шадринском автоагрегатном заводе имени Сталина, вспоминала, как приходилось повторно смотреть фильмы ради понравившихся песен, ведь именно так можно было выучить слова³⁵. Нередко «киношную» песню узнавали из третьих уст, например, на «студенческих спевках». В.П. Пузырев из Шадринска вспоминал: «Из-за нехватки угля для городской электростанции и по другим причинам вечером в техникуме частенько то на полчаса, то на час гас свет. И вот во время этих вынужденных “сумерничаний” наши москвички Нина и Рита Мяздриковы, Ира Белоусова запевали какую-нибудь песню. Мы сначала слушали, потом стали тоже подпевать. Пели песни из кинофильмов и оперетт, которые раньше в Шадринске не знали: “Давным-давно”, “Раз пастушка там жила”, “Не тревожь ты меня, не тревожь”. <...> На песню к нам приходили студенты из других групп». По мнению автора воспоминаний, подобные «университеты культуры» расширяли музыкальные познания провинциальных ребят³⁶. По свидетельству В.Н. Иовлевой, мотив при этом нередко искажался, и в уральской глубинке возникал «свой» вариант песни, который нравился местным жителям даже больше, чем его оригинальная версия. Так, в частности, произошло с песней «Жди меня» на стихи К. Симонова, исполненной Л. Смирновой в кинофильме «Парень из нашего города»³⁷.

Итак, источники личного происхождения обнаруживают особую значимость кинопосещений для людей в военные годы. Кинозалы, настоящие и импровизированные, не пустовали в течение всей войны, хотя воспользоваться ими стало значительно труднее. Оставаясь демократичной формой проведения досуга, просмотр фильмов, вместе с тем, не был в равной мере доступен всем слоям воюющего социума. Из приведенных воспоминаний и писем следует, что досуговые возможности отдельных категорий населения лимитировались множеством факторов (половозрастными характеристиками, местом жительства, родом деятельности, включенностью в конкретное поле социального взаимодействия и т. д.). В жизни тыла самая общая в этом отношении грань пролегла между городом и селом. Больше условий для культурного отдыха имели горожане, что указывает на ритмичность социокультурных процессов в уральской городской среде. И все же демонстрация кинокартин являлась приметой глубокого тыла. Просмотр фильмов на передовой – событие едва ли не исключительное, а поэтому знаковое, и именно с ним прочно ассоциировались сильные эмоциональные переживания фронтовиков.

«Важнейшее из искусств» в ту пору переросло рамки искусства и стало чем-то существенно большим. Через фильмы обретали рождение и жизнь многие кинообразы и песни, служившие средством коммуникации в условиях беспрецедентной войны. Экран, уводя людей в мир грез, отвлекал их от нежелательной, разрушающей информации, которой тогда было в избытке. Просмотр кино выступал своеобразным инструментом снятия тревожности и социального напряжения, погружения в иную, более привлекательную реальность, что во время борьбы с врагом было естественно, насущно и спасительно для человеческой психики. Об этом свидетельствует и выбор в качестве песни-воспоминания «Сказок венского леса» – ее исполнение «актрисой на чужом языке» лишь усиливало сказочность, фантастичность кинодействия в контексте суровых военных будней.

Примечания

- ¹ Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации по поддержке ведущих научных школ Российской Федерации, проект НШ- 3422.2014.6.
- ² Так мы жили... / сост. Н. Найденова. Пермь, 2010. С. 54.
- ³ Там же. С. 77.
- ⁴ Ушкова (Ракшина) С. Пережито, но не забыто... // Госпитали Сухоложья / авт.-сост. В.Ф. Сергеев, П.Ф. Моисеев. Екатеринбург, 2010. С. 38–43; Ашинский район в годы Великой Отечественной войны / ред.-сост. А. Беднюк. Челябинск, 2006. С. 11; Бабкин Е.И. Суровые законы военного времени // С памятью в сердце. Екатеринбург, 2010. С. 22–24; и др.
- ⁵ Пузырев В.П. Шадринская пора 1942–1948 гг. // Шадринск военной поры / отв. ред. С.Б. Борисов. Шадринск, 1995. Кн. 2. С. 3–38.
- ⁶ Курганов В. В лесу под Свердловском: Из воспоминаний бывшего директора завода // В тылу, как на фронте / сост. З.А. Янговский. Свердловск, 1986. С. 127–169.
- ⁷ По законам военного времени... / сост. Л. Голышева, О. Жидкова и др. Екатеринбург, 2010. С. 139–140.
- ⁸ Лепин И. Марс над Полуденной. Пермь, 1990. С. 53, 98.
- ⁹ Житенева Л.И. Нашим мама было не до развлечений... // Больно вспомнить, но забыть невозможно: Письма не под копирку / авт.-сост. А.П. Теплова. Екатеринбург, 2002. С. 352–356.
- ¹⁰ В годы Великой Отечественной войны упомянутый В.Н. Иовлевой киножурнал «Советский Урал» носил наименование «Сталинский Урал». – прим. Д.Р.
- ¹¹ Шадринск военной поры / отв. ред. С.Б. Борисов. Шадринск, 1995. Кн. 1. С. 27–48.
- ¹² Так мы жили... С. 75, 82, 114–115; Соколова М.Н. Воспоминания о Шадринске 1942–1943 гг. // Шадринск военной поры / сост. и отв. ред. С.Б. Борисов. Шадринск, 2005. Кн. 3. С. 250–260.
- ¹³ По законам военного времени... С. 146.
- ¹⁴ Там же. С. 90–91.
- ¹⁵ Шадрин Г.Д. О работе в Шадринском доме ребенка // Шадринск военной поры / сост. и отв. ред. С.Б. Борисов. Шадринск, 2005. Кн. 3. С. 161–162.
- ¹⁶ Пузырев В.П. Указ. соч. С. 13, 23.
- ¹⁷ Бризели Е.Е. Воспоминания // Шадринск военной поры / отв. ред. С.Б. Борисов. Шадринск, 1995. Кн. 2. С. 144–149.
- ¹⁸ Старцева М.Ф. Бывало – всей сменой шли в театр // Мы приближали Победу: Очерки. Воспоминания: Письма. Екатеринбург, 2000. С. 484–486.
- ¹⁹ Махнев А.Г. Кино для двоих–троих... // Госпитали Сухоложья... С. 64–66.
- ²⁰ Шадринск военной поры / отв. ред. С.Б. Борисов. Шадринск, 1995. Кн. 1. С. 135–136.
- ²¹ Треугольные письма / сост. Т.И. Быстрых, С.С. Смородина, Г.М. Матвеев. Пермь, 1991. С. 35.
- ²² Была война... Вам, женщины-участницы Великой Отечественной войны, посвящается. Богданович, 2000. С. 55.
- ²³ Путь советского офицера: Владимир Дмитриевич Тарасов (1923–1978) / сост., науч. ред. М.С. Салмина, Н.А. Антипин. Челябинск, 2013. С. 123.
- ²⁴ Там же. С. 64.
- ²⁵ Вероятно, речь идет об образе Прасковьи Лукьяновой (актриса Вера Марецкая) в фильме «Она защищает родину» (1943 г., реж. Ф. Эрмлер).
- ²⁶ Треугольные письма... С. 79–84.
- ²⁷ Там же. С. 84.
- ²⁸ Тыл – фронту: сб. воспоминаний, очерков, документов, писем / сост. Л.М. Евтеева, Р.М. Степакова. Челябинск, 1990. С. 44.
- ²⁹ Русакова Л.Ф. Неоконченная война. Книга Памяти, посвященная жителям Коптеловского сельского Совета, участникам Великой Отечественной войны, труженикам тыла и детям поры военной. Алапаевск, 2005. С. 54–55.
- ³⁰ Треугольные письма... С. 166, 171–172.
- ³¹ Письма с войны и о войне / сост. А.П. Лобанов, Т.А. Лобанова. Талица, 1994. С. 165–171.
- ³² Там же. С. 171.
- ³³ Так мы жили... С. 110; Шадринск военной поры / отв. ред. С.Б. Борисов. Шадринск, 1995. Кн. 1. С. 35.
- ³⁴ Соколова Н.М. Указ. соч. С. 250–260.
- ³⁵ Шадринск военной поры / отв. ред. С.Б. Борисов. Шадринск, 1995. Кн. 1. С. 183.
- ³⁶ Пузырев В.П. Указ. соч. С. 22.
- ³⁷ Шадринск военной поры / отв. ред. С.Б. Борисов. Шадринск, 1995. Кн. 1. С. 34.

Библиографический список

- Гонцова М.В. Повседневная жизнь индустриального центра в годы Великой Отечественной войны (на материалах г. Нижний Тагил): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Н. Тагил, 2011.
- Грей Г. Кино: визуальная антропология / пер. с англ. М.С. Неклюдовой. М., 2014.
- Из первых уст: Великая Отечественная война глазами очевидцев. М., 2010.
- Изюмова Ю.А. Дневник военного времени: опыт качественного анализа // Социс. 2010. № 9.
- Кринко Е.Ф., Хлынина Т.П. История и память: опросы очевидцев о частной жизни в 1941–1945 гг. // Русский архив. 2014. № 3.
- Мамяченков В.Н. Особенности личностного восприятия Великой Отечественной войны в памяти ее участников: верить – не верить? // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности: сб. науч. статей. Екатеринбург, 2015. Ч. 2.
- Мищенко Т.А. Фронтной быт женщины (по воспоминаниям брянских участниц Великой Отечественной войны) // Военная история России: люди и события (к 70-летию Великой Победы) / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова. СПб., 2015.
- Назаров А.И. Повседневная жизнь молодежи в советском тылу в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Тамбовской области): дис. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2010.
- Палецких Н.П. Досуговая сфера тыловой повседневности на Урале в годы Великой Отечественной войны // Уральский исторический вестник. 2015. № 1 (46). С. 59–63.
- Поршинева О.С., Долинова М.В. Повседневность плена: иностранные военнопленные Второй мировой войны в Нижнем Тагиле (1943–1949 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: История России. 2003. № 2.
- Потемкина М.Н. Эвакуация на Урал в детских воспоминаниях // Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под общ. ред. В.А. Лабузова. Оренбург, 2015.
- Приказчикова Е.Е. Борьба с русским хаосом в немецких эго-документах Второй мировой войны // 70-летие Великой Победы: исторический опыт и проблемы современности: сб. науч. статей. Екатеринбург, 2015. Ч. 2.
- Пушкарёва Н.Л. «Пишите себя» (гендерные особенности письма и чтения) // Сотворение истории. Человек. Память. Текст. Казань, 2001.
- Реброва И.В. «Женская» повседневность в проблемном поле Великой Отечественной войны // Женщина в российском обществе. 2008. № 2.
- Семенова Т.С. Чкалов военного времени глазами ребенка (по документам ГБУ «ЦДНИОО») // Подвиг советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под общ. ред. В.А. Лабузова. Оренбург, 2015. С. 600–602.
- Сенявская Е.С. Психология войны в XX в.: исторический опыт России. М., 1999.
- Синова И.В. Война и блокада в памяти детей Ленинграда // Военная история России: люди и события (к 70-летию Великой Победы) / под общ. ред. проф. В.Н. Скворцова. СПб., 2015.
- Смиловицкий Л.Л. Советские евреи пишут в Красную армию (1941–1945): Опыт формирования коллекции военных писем в Центре диаспоры при Тель-Авивском университете // Русский архив. 2014. № 4.
- Социология и кинематограф / под общ. ред. М.И. Жабского. М., 2012.

Дата поступления рукописи в редакцию 03.10.2014

«AT EVENING CINEMA SHOW IN A SMALL TOWN...»: CINEMA IN THE CONTEXT OF THE GREAT PATRIOTIC WAR, ACCORDING TO THE MEMOIRS AND LETTERS OF URAL PEOPLE

D. N. Ryapusova

Institute of History and Archaeology, Ural branch, Russian Academy of Sciences, 620990, S. Kovalevskoy str., 16, Yekaterinburg, Russia
DNRyapusova@mail.ru

The paper examines the memories and letters containing information about the role of cinema in extraordinary conditions of the Great Patriotic War. Through interpretation of individual cases of cinema's presence in the Soviet everyday life during the war, the author shows how cinema was represented and perceived in the published ego-documents. The paper explores sources of personal origin written by ordinary people from different categories of belligerent society and somehow related to the Urals during the war. The paper also reveals significant features and functions of "the most important art" in everyday life of "an ordinary man". In the context of everyday life, burnt by the war, the value of a movie as a method of therapy and communication came to the fore. The paper also shows the tastes of Ural people in cinema and, in particular, a great demand of the audience for satirical movies of foreign and domestic production as well as their demand for the pre-war movies of a social genre describing everyday life. The author identifies the major factors affecting the frequency and regularity of Ural people's film-going. The author makes the conclusion about the importance of film-going in the structure of military reality. According to the author's opinion, leisure activities depended on the combination of many factors, such as gender, age, place of residence, type of activity, involvement in the specific field of social interaction, etc.

Key words: history of everyday life, war, sources of personal origin, memoirs, letters, movies.

References

- Gontsova M.V. Povsednevnyaya zhizn' industrial'nogo tsentra v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (na materialakh g. Nizhniy Tagil): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. N. Tagil, 2011.
- Grey G. Kino: vizual'naya antropologiya / per. s angl. M.S. Neklyudovoy. M., 2014.
- Iz pervykh ust: Velikaya Otechestvennaya vojna glazami ochevidtsev. M., 2010.
- Izumova Yu.A. Dnevnik voennogo vremeni: opyt kachestvennogo analiza. *Sotsis*. 2010. № 9.
- Krinko E.F., Khlynina T.P. Istoriya i pamyat': oprosy ochevidtsev o chastnoy zhizni v 1941–1945 gg. *Russkiy arkhiv*. 2014. № 3.
- Mamyachenkov V.N. Osobennosti lichnostnogo vospriyatiya Velikoy Otechestvennoy voyny v pamyati ee uchastnikov: verit' – ne verit'? *70-letie Velikoy Pobedy: istoricheskiy opyt i problemy sovremennosti: sb. nauch. statey*. Ekaterinburg, 2015. Ch. 2.
- Mishchenko T.A. Frontovoy byt zhenshchiny (po vospominaniyam bryanskikh uchastnits Velikoy Otechestvennoy voyny). *Voennaya istoriya Rossii: lyudi i sobytiya (k 70-letiyu Velikoy Pobedy)* / pod obshch. red. prof. V.N. Skvortsova. SPb., 2015.
- Nazarov A.I. Povsednevnyaya zhizn' molodezhi v sovetskom tylu v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg. (na materialakh Tambovskoy oblasti): dis. ... kand. ist. nauk. Tambov, 2010.
- Paletskikh N.P. Dosugovaya sfera tylovoy povsednevnosti na Urale v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. *Ural'skiy istoricheskiy vestnik*. 2015. № 1 (46). S. 59–63.
- Porshneva O.S., Dolinova M.V. Povsednevnost' plena: inostrannye voennoplennyye Vtoroy mirovoy voyny v Nizhnem Tagile (1943–1949 gg.). *Vestnik Rosciyskogo universiteta druzhby narodov. Ser.: Istoriya Rossii*. 2003. № 2.
- Potemkina M.N. Evakuatsiya na Ural v detskikh vospominaniyakh. *Podvig sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.* / pod obshch. red. V.A. Labuzova. Orenburg, 2015.
- Prikazchikova E.E. Bor'ba s russkim khaosom v nemetskikh ego-dokumentakh Vtoroy mirovoy voyny. *70-letie Velikoy Pobedy: istoricheskiy opyt i problemy sovremennosti: sb. nauch. statey*. Ekaterinburg, 2015. Ch. 2.
- Pushkareva N.L. «Pishite sebya» (gendernye osobennosti pis'ma i chteniya). *Sotvorenje istorii. Chelovek. Pamyat'*. Tekst. Kazan', 2001.
- Rebrova I.V. «Zhenskaya» povsednevnost' v problemnom pole Velikoy Otechestvennoy voyny. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*. 2008. № 2.
- Semenova T.S. Chkalov voennogo vremeni glazami rebenka (po dokumentam GBU «TsDNIOO»). *Podvig sovetskogo naroda v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.* / pod obshch. red. V.A. Labuzova. Orenburg, 2015. S. 600–602.
- Senyavskaya E.S. Psikhologiya voyny v XX v.: istoricheskiy opyt Rossii. M., 1999.
- Sinova I.V. Vojna i blokada v pamyati detey Leningrada. *Voennaya istoriya Rossii: lyudi i sobytiya (k 70-letiyu Velikoy Pobedy)* / pod obshch. red. prof. V.N. Skvortsova. SPb., 2015.
- Smilovitskiy L.L. Sovetskie evrei pishut v Krasnuyu armiyu (1941–1945): Opyt formirovaniya kollektzii voennykh pisem v Tsentre diaspori pri Tel'-Avivskom universitete // *Russkiy arkhiv*. 2014. № 4. *Sotsiologiya i kinematograf* / pod obshch. red. M.I. Zhabskogo. M., 2012.